

Э.Н. АБАКШИНА
ДОКЛАД НА ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ 2018 г.

*Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли
Мы потеряли всё святое –
И стыд души, и честь земли...*

З. Гиппиус, 14 декабря 1917 г.

«МИР ВАМ ЛЮДИ ДЕЛА...!»
(О ПРЕДСТАВИТЕЛЕ ВЫБОРГСКОГО КЛАНА СУТГОФФОВ
ДЕКАБРИСТЕ А.Н. СУТГОФФЕ)

13 декабря 1825 г., квартира К.Ф. Рылеева в доме Российско-Американской Компании у Синего моста на Мойке. «В этот роковой вечер, решавший туманный вопрос: «быть или не быть», я сидел подле Сутгоффа, с которым мы беседовали, поверяя друг другу заветные мысли... К нам подошёл Рылеев, и взяв руку каждого из нас сказал: «Мир вам, люди Дела, а не слова... Уверен, что сделаете своё дело...», - так вспоминал уже в изгнании Михаил Бестужев.

Поручик лейб-гвардии Гренадерского полка Александр Николаевич Сутгофф родился 4 (18) декабря 1801 года в семье героя войны 1812 года, генерал-майора Николая Ивановича Сутгоффа, бывшего в тот год комендантом Киева. (Nicolas Wilhelm. Sutgoff 03.12.1765 - 01.10.1836). Отец его – Hans Jockimsson Sutgoff, мать - Anna Katarina Johansdotter Sutgoff.

Род Сутгоффов принадлежал к старинному шведскому дворянству. Дом их в Выборге находился на углу Северного Вала и Епископской улицы – «Спуск Сутгоффов» - на этом месте в начале XX века был построен знаменитый дом фирмы «Хакман и К°» (арх. У. Ульберг и А. Гюльден) и только правое крыло напоминает о родовом гнезде будущего Декабриста...».

Николай Иванович Сутгофф в 1786 г. был принят поручиком в 4-й батальон Финляндского Егерского Корпуса. За отличие в войне 1788-1790 гг. был переведен в Лейб-Гренадерский полк. С 1808 г. – шеф 37-го Егерского полка... В этот период Россия воюет не только с Наполеоном, но и с Турцией и Швецией. Н.И. Сутгофф с 1808 по 1811 гг. – принимает участие в сражениях Турецкой кампании... Как сообщается в наградном документе «в воздаяние отличного мужества и храбрости... с твердым присутствием духа, и ободряя подчинённых, содержал их в совершенном порядке, отражал покушения неприятеля и содействовал поражению одного, взяв у него знамя». За это Сутгофф награждается орденом св. Георгия и св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени с алмазами и золотой шпагой «За храбрость».

В 1812 году – ранен в голову и ногу, и попал в плен после битвы при Лейпциге. После взятия Парижа освобождён и 16 января 1815 года произведён в генерал-майоры. После войны был комендантом Киева, где женился на Анастасии Васильевне Михайловой. Имел сына Александра и дочь Анну (в замужестве за братом Декабриста Нарышкиным). С 14 октября 1826 года – комендант Гельсингфорса. Уволен в отставку в 1834 году «с мундиром и пенсией». Скончался в Выборге в 1836 году 1 октября. Похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Итак, сын его Александр Николаевич Сутгофф воспитывался в Московском Университетском Пансионе, где обучались многие будущие Декабристы и где учебная программа была поистине академической. В 1809 году, по тогдашнему обычаю, был записан другом семьи, известным атаманом Платовым, урядником в Донское казачье войско. В 1817 г. поступил юнкером в 7-й Егерский полк¹. В 1818 г. произведён в прапорщики и переведён в 25-й Егерский полк. С 1820 г. – подпоручик, с 1822 г. – поручик. А в 1823 г. – переведён в Лейб-Гвардии Гренадерский полк.

Уже тогда Платов свидетельствовал об его образованности, чрезвычайной начитанности и «большой хозяйственной опытности» (что пригодилось впоследствии в Сибири). Саратовский губернатор А.М. Фадеев, родственник по жене своей княжне Е. Долгорукой с Сутгофами вспоминал: «В семействе генерала Сутгоффа в Киеве я любовался его сыном, его прекрасным 12-летним мальчиком, подававшим много надежды и попавшим в последствии в Декабристы. Мне пришлось вновь увидеть его через 45 лет на Кавказе. Именно ему и его лейб-гренадерам было суждено сыграть выдающуюся роль 14 декабря 1825 года, вполне выполнив возложенное на него поручение, до конца оставаясь с восставшими».

Когда Сутгоффа на следствии спросили какие причины побудили его вступить в Тайное общество, он ответил «как всегда с поражающим спокойствием, достоинством, спартанской ясностью и твердостью – Цель Общества есть благо общее. Я тоже желал содействовать сему». Сутгофф был «сторонник свободной и просвещенной России, где торжествует закон и справедливость».

«Декабристы – цвет человеческой расы» (по выражению Достоевского) в традиционно тоталитарном государстве вышли на Сенатскую площадь (не на Дворцовую, как в переворотах XVIII века!), чтобы передать Сенату на рассмотрение разработанные ими проекты реформ – уничтожение крепостного права, земельной реформы и судебной системы, а главное – изменение системы политической власти и принятия Конституции. Вышли, воспользовавшись неожиданным междуцарствием после внезапной кончины Александра I и отказа от Престола Константина, помнившего судьбу отца и деда. Вышли, чтобы заявить, что «человек создан Богом свободным». Вышли, чтобы «разбудить спящих россиян» - зная, что «мало шансов на успех – «мы погибнем, но пример останется» (К. Рылеев). И уникальный случай в истории! – вышли не для того, чтобы самим быть во власти!!!

Все они были христианами, и евангельская этика была для них естественна. Ленинское – же «страшно далеки они от народа» - означает, что цель для них не оправдывала средства». «Мы подвизаемся на дело великое – нам ли употреблять средства низкие» (ответ Рылеева на предложение толпы – разбить кабаки и напоить народ для достижения успеха).

---

¹ Наставление боевому применению егерей было издано Барклаем-де-Толли. Они могли действовать и как пехота. И только их учили ходить на лыжах. Никто кроме егерей «не пропускали неприятельскую кавалерию - только через себя...»

Чтобы понять Декабристов надо знать эпоху – «Дней Александровых прекрасное начало» – после войны 1812 года, исполненных надежд, что героический подвиг народа, «положение которого было хуже положения негров в Америке», положит конец рабству. «Увы, куда не брошу взор – везде бичи, везде оковы» - писал А. Пушкин.

«Все мы дети 1812 года... В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и участвовали в них... В беседах наших, по обыкновению, было положение России... Тут разбирались главные язвы нашего Отечества: закостенелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет была каторгой, повсеместное лихоимство, грабительство и наконец, явное неуважение к человеку вообще» (И. Якушкин).

Членам первого тайного общества «Союз спасения», созданного в 1816 году (а в дальнейшем – «Северного, Южного и Объединенных Славян) «было поставлено в обязанность всеми силами трудиться на благо Отечества, имея полное убеждение, что крепостное право – мерзость. И при всех случаях греметь против таких диких учреждений, как палка и рабство»².

«По мнению же властей – крепостное состояние – это священная старина, до которой нельзя было коснуться без потрясения самой основы государства... ничего, по их мнению, не могло быть пагубнее, как приступить к просвещению народа. Свобода мыслей пугала их всех. Но молодёжь везде смело высказывала слово Истины».

*«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы».*
(А.С. Пушкин)

Офицеры - герои 1812 года – будущие декабристы – запретили употреблять палки и розги при учениях, ибо «по обыкновению было принято не менее воза палок уложить на спину солдата». (И. Якушкин). Они на свои деньги учреждали школы и просвещали солдат. Поэтому солдаты вышли со своими офицерами сознательно на Сенатскую площадь 14 Декабря (не присягая) и встали в каре (а это оборона!) в ожидании переговоров...». Поручик лейб-гренадёр А.Н. Сутгофф даже провёл собрание роты. Декабристы не верили, что солдаты будут стрелять в своих (на совести Николая I его приказ о расстреле артиллерией восставших и собравшегося народа). Это был парад Свободы» - «Мы дышали Ею, и я охотно отдаю за неё жизнь» - эти слова К. Рылеева декабристы помнили и в изгнании.

«Принести в жертву всё, даже саму жизнь ради любви к Отечеству, было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Призываю Бога в свидетели тому. Каждый раз, когда я ухожу от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нём значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом – мы тогда любили!» - писал М.И. Муравьев-Апостол.

Даже во время допросов Декабристы пытались донести до сознания членов Следственного комитета и Императора необходимость перемен во избежание пророчества

---

² В великом Княжестве Финляндском, как и в Швеции не было крепостного права. В составе Самодержавной Империи была Конституционная монархия.

– «Настанет год – России чёрный год, когда с царей корона упадёт! Забудет чернь к ним прежнюю любовь...»

То, что все участники политической жизни были включены в какие-либо прочные внеполитические связи – были родственниками, однополчанами, участвовавшими в одних сражениях, были товарищами по учебным заведениям, и что связи эти охватывали весь круг, включая Императора и Великих князей, с которыми можно было встречаться и беседовать на балах и прогулках, накладывало на эпоху особый отпечаток.

«Ни в одном из политических движений России мы не встретим такого количества родственных связей – не говоря о целом переплетении в гнезде Муравьевых – Луниных, дома Раевских – Орловых – Волконских - Давыдовых; достаточно указать на 4-х братьев Бестужевых, Вадковских, Бобрищевых-Пушкиных, Кюхельбекеров, Бодиско, Сутгоффов-Нарышкиных-Коновицких и прочих. Если же учесть связи двоюродного и троюродного родства, соседства по имениям, то получится картина, которую не найти в последующей истории» (Ю. Лотман). Значение Декабристов в истории русской общественной жизни не исчерпывается теми сторонами деятельности, которые привлекали внимание исследователей: выработка общественно-политических программ и концепций, художественным и критическим творчеством».

«Декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека, отличного по своему поведению (в том числе и в повседневной жизни) от всего, что знала предшествующая история». Человеческий, психологический облик Декабриста по благородству и чистоте помыслов и поступков – совершенно исключительное явление в исторической жизни России, в создании нового типа русского человека».

«Декабризм – это стремительный взлёт духовной жизни России».

(Ю. Лотман)

Декабристы внесли в поведение человека единство тем, что, пропуская жизнь через фильтры героических текстов, просто отменили то, что не подлежало занесению на скрижали истории... Ответственность перед начальством сменилась ответственностью перед историей. А страх смерти – поэзией чести и свободы. Перенесение свободы из области теорий в дыхание, в жизнь – суть бытового поведения Декабристов».

«Лунин живет для истории» - писал Сутгофф Муханову. Для одного - эшафот и история. Для другого - кресло в министерстве и адрес-календари». «Чувство чистой совести достаточно для смерти. Чувство нравственного достоинства необходимо для жизни» - писал Н. Тургенев. Этим кредо и руководствовались Декабристы.

«Не подлежит сомнению тот факт, что люди, замышлявшие переворот в России, подвергались неминуемой потере всех преимуществ положения своего в обществе. Поэтому ни в корысти, ни в честолюбии в подозрении быть не могут. Лишь пламенная любовь к Отечеству, желание возвеличить его, доставив ему все блага Свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью... Люди практические вправе назвать это безрассудной мечтой, но чистоту намерений не имеют права оспаривать» (Л. Свистунов, 1870). Именно ему писал Л. Толстой 14 марта 1878 г., когда собрался писать роман о Декабристах... «Для меня каждое Ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны, - переносят меня на такую высоту чувства, которые очень редко встречаются в жизни и глубоко трогают меня». «Декабристы всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства. Вызывают моё удивление и умиление» - говорил он жене.

Внезапная кончина Александра I изменила планы декабристов, и воспользовавшись междуцарствием, они решили выйти на Сенатскую площадь... Князь Оболенский,

Сутгофф, братья Бестужевы, начиная с 6-го декабря, неустанно работали, собирая силы, привлекая офицеров, известных порядочностью и свободными взглядами».

14 декабря 1825 г.

Утром 14 декабря поручики Сутгофф и Панов со своими лейб-гренадёрами (в казармах оставались только рота графа Ливена) выбежали из казарм, надев амуницию, теплые шинели и захватив провиант. Однако, не имея точных сведений о том, как развёртываются события, они миновали Зимний дворец и направились на площадь к Сенату. Полковой командир Стюрлер догнав их на Дворянской улице, уговаривал солдат вернуться, но они бросились за Сутгоффом «с большим ещё противу прежнего стремлением». И надо признать, что Сутгофф собрал на Сенатскую площадь основательнее других». «Первые атаки конногвардейцев производились на лейб-гренадёр и москочцев, которые с большим успехом отражали их холостыми зарядами отпугивая лошадей. Залпы артиллерии Николая I-го завершили этот «парад Свободы». Лейб-гренадёры уговаривали Сутгоффа скрыться, - он отвечал, что никогда этого не сделает. – К тому же жалованье солдат у него с собой... Солдаты сказали, «что без жалованья обойдемся, лишь бы вы не попали в руки правительства...».

В этот же вечер Сутгофф был арестован в квартире у Конногвардейского манежа (где он переоделся в парадную форму, чтобы явиться в Зимний дворец), то есть он не уходил с Сенатской площади. И доставлен в Петропавловскую крепость в каземат №10 Алексеевского рavelина... Следственная комиссия даёт описание наружности Сутгоффа: «приметы рост 2 аршина, 8 4/8 вершков (1м 80 см), лицом бел, сухощав, глаза голубые, нос прямой, волосы на голове и бровях русые». Николай Бестужев уже в Сибири напишет его акварельный портрет...

Приговор: «А.Н Сутгофф осуждён по I разряду отсечением головы...». Но по конфирмации от 10 июля 1826 года приговорён «в каторжную работу вечно». Однако перед Сибирской каторгой ему пришлось целый год просидеть в каземате Свартгольма – тюрьме построенной Суворовым на территории Финляндии. 25 августа 1827 года А.Н. Сутгофф прибыл в Читинский острог. И через 12 лет обращён на поселение в 20-и верстах от Иркутска.

Пребывание Декабристов в Сибири имело огромное влияние на развитие и просвещение народа» «Мы видели в них людей, которые 30 лет сряду несли на наших глазах тяжкое наказание. Несли его спокойно. С достоинством и верою в Промысел Божий» - так вспоминали о них сибиряки. «Настоящее наше поприще началось в Сибири, где мы должны были словом и примером служить Делу, которому себя посвятили». (И.Лунин). «Он (Сутгофф) совершенно покорился своей участи, лишённый всякой надежды на возвращение... Петровский завод был «поистине чудесной школой нашего умственного и духовного воспитания» - писал Беляев Оболенскому. – «Какие вопросы только не обсуждались, какие идеи не разрабатывались без надежды на осуществление...».

Надо подчеркнуть, что декабристы имели свои точки зрения и в то же время умели слушать, стремясь к сближению позиций – а это важный компонент Гражданского общества. Вклад декабристов в развитие Сибири и просвещение народов, населяющих её неоценим. Этот лейтмотив был и оставался главным, ибо «власть невежественного народа хуже всякого деспотизма». Они учреждали школы, занимались исследованиями во многих областях науки (включая экологию), развивали сельское хозяйство, усовершенствовали сельскохозяйственные орудия, облегчающие труд земледельца, изобретали приборы и точные механизмы».

Сутгофф принимал деятельное участие в работе «каторжной академии» и в создании кооперативной артели для взаимопомощи. Его хозяйственная жилка

пригодилась на каторге – ему было доверено снабжение узников продовольствием и обедами. Он с успехом занимался огородничеством и особенно цветоводством, – он всегда любил цветы, изучая и собирая Сибирскую флору.

Безупречный нравственный дух Декабристов признают и в донесениях в 3-е Отделение Санкт-Петербурга: «Перед поселёнными в Сибири с 1825 года, здесь все преклоняются и ищут знакомств...». А плац-майор Э. Казимирский, комендант Нерчинских рудников писал С. Трубецкому: «Вас не знают до сих пор. Надобно показать вас как вы есть и чем были – вы принадлежите Истории». «И теперь вас вспоминают беспрестанно, а придёт время вспомнят и не так!». «Жаль Восточной Сибири – писал в 1848 г. М. Муравьев-Апостол – жаль великой её будущности, которая уничтожается петербургскими интригами – им нужны только деньги, деньги, деньги...».

Говоря о революциях 1848 года в Европе, они констатировали с горечью: «Во всём этом не говорится ни о свободе, ни о патриотизме, и тем более – не о равенстве и братстве. Эгоизм и личные амбиции, развращенность, безбожие, анархия в идеях – вот что лежит в основе» (В. Давыдов. 18 декабря 1848 г.).

В марте 1836 года Нерчинский комендант полковник Ребиндер докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту Руперту: «В числе состоящих в ведении моём государственных преступников Александр Сутгофф желает вступить в законный брак с дочерью штаб-лекаря, надворного советника Ф. Янчуковского - девицей Анной, просил моего в том ходатайства». Нужно сказать, что Анна, как и её брат – Виктор (в будущем действительный статский советник, горный инженер и разносторонне образованный человек) были одними из учеников Декабристов и с детства воспитывались в семье Трубецкого...». Сутгофф обожал свою жену, а она любила его без памяти (по словам Розена).

Анна Янчуковская родилась 8 декабря 1820 г. в Петровском заводе. Дед её католический священник из старинного польского дворянского рода. Отец Федосий Федорович в 1814 г. окончил Императорскую медико-хирургическую Академию в Петербурге и определён на Нерчинские заводы по Горному ведомству. В 1821 г. назначен штабс-лекарем Петровского завода. В сентябре 1830 г., после перевода Декабристов из Читинского острога во вновь построенную тюрьму Петровского завода, помогал им и их жёнам.

«Разрешенье на брак было дано, и Александр Николаевич обвенчался 17-го числа текущего месяца апреля». Супругов определили в Веденскую слободу близ Иркутска. После пожара они стали жить в селе Малое Разводное. В ежемесячном донесении Иркутского генерал-губернатора в Петербург в марте 1844 г. о Сутгоффе сказано: «Занимается чтением и домашним хозяйством. Ведёт себя похвально, в образе мыслей скромнен». Но в конце царствования Николая I, в 1848 г. получил извещение совсем неожиданно, что по «усиленному ходатайству его матери, генеральши Сутгофф и сестры Анны Николаевны Нарышкиной об освобождении из Сибири и отправке на Кавказ рядовым с правом выслуги». Весьма неприятно пораженный этой милостью, Сутгофф в огорчении отправился с супругой, на Кавказ, где тянул солдатскую лямку еще 8 лет.

Анна Николаевна Сутгофф была замужем за старшим братом декабриста – Кириллом Михайловичем Нарышкиным, участником Бородинского сражения и адъютантом Барклая-де-Толли. Декабрист Михаил Михайлович Нарышкин (15.02.1798 – 14.01.1863) – член Союза Благоденствия и Северного Общества в сентябре 1824 года женился на графине Елизавете Петровне Коновницыной – дочери героя 1812 г. и военного министра. К семье Нарышкиных относится Маргарита Тучкова, жена генерала Тучкова 4-го, погибшего на Бородино. А также кузен их граф Мусин-Пушкин. По словам декабриста Нарышкины были истинными благодетелями целого края, помогали бедным, лечили больных.

Свой путь из Иркутской губернии Сутгофф описывал так: «До Кавказа ехали долго и скучно. От Казани и Ставрополя ещё дольше и скучнее... Жене моей Кавказ не понравился...». В Тифлисе ему объявили, что должен быть в Большой Кабарде – в укрепление Егерского полка... «Всего более тревожат мою жену летние походы...».

В марте 1849 г. Сутгофф писал Трубецкому в Иркутск: «Мы живём порядочно... Жена иногда бранит Кавказ, но от этого ни ей, ни Кавказу не хуже... 14 апреля с батальоном отправляюсь в Дагестан. Жена узнала об этом и не перестаёт плакать. Мне видеть её слёзы не совсем весело, урезонить же её невозможно». Слёзы жены были не без причины – кубанский полк был брошен на боевые действия с горцами, - где кроме осады аулов, должен был прокладывать дороги, расчищать завалы.

Через год. В 1850 году Сутгофф произведен в офицеры с возвращением потомственного дворянства. Весной 1857 года Якушкин писал в Сибирь Пушкину: «Сутгофф молодцом и в своём мундире смотрит совершенно лейб-гренадёром... Только руки поражены, пальцы почти не служат». Впоследствии Сутгофф был прикомандирован к Управлению Минеральными Водами в Кисловодске и Боржоми. «В этой должности, добрый, благородный старик нашёл, наконец, успокоение от житейских треволнений... По его образованности и большой опытности, приобретенной несчастьями, его беседы всегда были весьма поучительны...».

«Довелось мне видеть возвращенных из Сибири Декабристов. И знал их товарищей, которые изменили им и остались в России и пользовались всеми почестями... Декабристы, проживавшие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные. А оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, обедах, картах – были жалкие развалины ни на что и никому не нужные, которым нечем хорошим было помянуть свою жизнь. Казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные, и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет и ясно стало... - счастье было в духе людей». «Это были люди все на подбор – как будто магнитом провели по верхнему слою сора с железными опилками и магнит их вытянул» (Л. Толстой. 1901 г.).

Приговоренные к каторге, «во глубине сибирских руд» они продолжали жить высокими идеалами и «верой гордою в людей и жизнь иную» (М. Лермонтов. Памяти Одоевского). Характерно мнение Вяземского: «Они навсегда остались в 14 декабря. 15-е для них так и не наступило». И слова Декабристов подтверждают это:

«Вера в светлую для страны будущность живит нас» (И. Лунин).

«Что тот же я, что вас достоин я друзья» (В. Кюхельбекер).

«Волосы мои седые, но я не потратил ни одной искры, что у меня осталось от прошлого. Это прошедшее никто у меня не отнимет» (Н. Бестужев).

Время и условия изгнания собрали жертвы. Смерть уносила многих.

Вот отрывок из письма С.Г. Волконского И.И. Пушкину 2 мая 1843 г.: «Передам горестную весть. Никита Михайлович Муравьев переселился в жилище праведных. Он был добрый христианин, нежный муж и примерный отец. Сир и нищ потерял в нём благодетеля. А мы – человека, достойного нашего движения, ветерана нашего Дела, товарища пылкого душой, ума обширного». А в 1856 году он сожалеет в письме Пушкину: «Не грустно умирать в Сибири. Но жаль, что из наших общих опальных костей – не одна могила. Мыслью об этом не по гордости и тщеславию личному. Врозь мы, как и все люди, пылинки, но грудую кости наши были бы памятником Дела великого при удаче для России и достойной тризны поколений».

«А то что я патриот, доказал тем, что я в Сибири» (С.Г. Волконский, 14.01.1856).

«Я убеждён, что если бы я не испытал жестокой превратности судьбы и шёл бы беспрепятственно блестящим путём мне предстоящим, то со временем утратил бы

истинное достоинство человека. Ныне же я благословляю Десницу Божию, проведшую меня по тернистому пути, показавшую мне, в чём истинно заключается достоинство человека и цель человеческой жизни» (С.П. Трубецкой).

После восшествия на престол Александра II по амнистии из Сибири вернулись немногие... 1856 год ... «Ряды наши редуют. Смерть косит и здесь, и в Сибири» - писал Трубецкой Якушкину. Проездом через Москву собрались в первопрестольной оставшиеся в живых Первенцы свободы – Трубецкой, Волконский, Лорер, Сутгофф, Муравьев-Апостол. После 30-и лет изгнания все эти ветераны свободы приветствовали всем сердцем готовящуюся благодетельную свободу народу, закабалённому и закрепощённому вопиющей неправдой. Всех их волновал ход реформ! И они принимали деятельное участие в осуществлении Реформ 1861 года, будучи Мировыми посредниками. Но как выражал их мнение Поджио: «В России правительству необходимо Высочайший Указ, чтобы крестьяне получили землю от помещиков безвозмездно». «Освобождение крестьян было дело не благих намерений царя, а самого народа... наконец правительство осуществило цель, которую Тайное общество преследовало» (Поджио).

До последних дней Декабристы сохранили свою необыкновенную память, остроумную речь, горячее отношение в вопросах внутренней и внешней политики и участие во всём, близким им. Они оставили после себя немалое литературное и эпистолярное наследие в котором главное место принадлежит мемуарам.

14 августа 1872 года А.Н. Сутгофф скончался в Боржоми. Похоронен он был в ограде церкви Иоанна Крестителя. Прибыв последним из декабристов на Кавказ, он и покинул его последним, оставив после себя интереснейшие записки и знаменитые заметки на полях верноподданнической книги барона Корфа о дне 14-го Декабря (говорят Модя даже плакал, иронически отмечал Пущин о своём лицейском однокласснике...).

Литература:

1. Большая биографическая энциклопедия. 2009 г.
2. Абакшина Э.Н. Письма и находки. Выборг. 1995 г.
3. Гордин М. Мятеж реформаторов. Ленинград, 1989 г. с. 293.
4. Цамутали А.Н. История декабристов. «Мера», СПб. 1996 г.
5. 14 декабря 1825 г. – Воспоминания очевидцев. СПб. «Академический проект», 1990 г.
6. Энциклопедический словарь. Т. 63, СПб. 1901 г. с. 126.
7. Сапижев М.Н. Декабрист Александр Николаевич Сутгофф. Жизнь на поселении.
8. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство 1984 г.
9. Записки И. Д. Якушкина: Полное, без выпусков, издание. - Москва : [Изд-во "Русская жизнь"], 1908. - 163 с. (Библиотека декабристов ; [Вып. 7]).
10. Воспоминания Бестужевых. Москва. 1951 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР МОСКВА-ЛЕНИНГРАД 1951. Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР по изданию научно-популярной литературы и серии «Итоги и проблемы современной науки».
11. Эдельман 1995: О. Эдельман, Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник, «Отечественная история», 1995, VI, с. 34–44.
12. Декабристы на Кавказе в 1826-1850 гг. // Русская старина, № 2. 1884.